

Миры Крестоманси

Заколдованная жизнь

Волшебники из Капроны

Ведьмина неделя

Девять жизней Кристофера Чанта

Вихри волшебства

Сказочное невезение

Волшебное наследство

Диана Винн Джонс

СКАЗОЧНОЕ
НЕВЕЗЕНИЕ

Миры Крестоманси

Санкт-Петербург

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В детстве я думал, что поместье Столлери — это такой сказочный замок. Из окна моей спальни было хорошо видно этот замок, стоявший высоко в горах над Столчестером: когда на него падало солнце, он вспыхивал, точно построен был из стекла или золота. Кончилось тем, что я сам оказался в этом замке, вот только попал куда угодно, но не в сказку.

Столчестер, где наша семья держит книжный магазин, и сам находится довольно высоко в горах. Здесь, в Седьмых Мирах, вообще много гор, а Столчестер расположен в Английских Альпах. Многие считают, что именно из-за гор кое-где в нашем городке телевизор смотреть не-

возможно, но мне дядюшка объяснил, что все это козни Столлери.

— Это они ставят вокруг такую защиту, чтобы никто к ним лишней раз не присматривался! — сказал он. — Глушат сигнал с помощью волшебства.

Мой дядя Альфред в свободное время сам занимался волшебством, так что кому знать, как не ему. Но зарабатывал он нам всем на жизнь не волшебством, а книготорговлей; магазин его находился в той части города, где собор. Дядя был тощим суетливым старичком с лысиной, прикрытой кудряшками, а маме доводился сводным братом. Похоже, его сильно обременяла необходимость заботиться обо мне, маме и моей сестре Антее.

Он вечно бегал туда-сюда и бормотал:

— Ну и где я возьму денег, Конрад, когда в книжной торговле этакий застой?

Книжный магазин носил наше имя — над полукруглыми окнами и темно-зеленой дверью красовалась поблекшая золотая вывеска «ГРАНТ И ТЕСДИНИК», — но дядя Альфред объяснил мне, что теперь магазин принадлежит ему. Открыли они его когда-то вместе с моим папой. А потом, вскоре после моего рождения и незадолго до папиной смерти, папе вдруг понадобилась куча денег — так рассказывал дядя Альфред, — вот он и продал дяде Альфреду свою

половину. А потом папа умер, и дяде Альфреду пришлось взять на себя наше содержание.

— Так оно и положено, — говорила мама, как всегда туманно. — Мы его единственная родня.

Моя сестра Антея не раз интересовалась, зачем папе понадобились деньги, но так ничего и не выяснила. Дядя Альфред отговаривался тем, что не знает.

— А от мамы вообще никогда толку не добьешься, — подвела итог Антея. — Она знай изрекает всякое вроде «Жизнь — вечная лотерея» или «У твоего отца часто бывали денежные затруднения»... В общем, единственное, что мне приходит в голову, это что у него были карточные долги. Казино-то совсем рядом, в конце концов.

Мне пришло в голову мысль о том, что папа проиграл в карты половину книжного магазина. Я в те времена и сам любил рисковать. В восемь лет я, бывало, брал у друзей лыжи и съезжал по самым крутым, самым обледеневшим склонам, а летом лазил по скалам. Мне казалось, я иду по папиным стопам. Но как на грех, кто-то засек меня на Столовом утесе и наябедничал дяде.

— Ну уж нет, Конрад, — сказал дядя, обеспокоенно размахивая перед моим носом сморщенным пальцем. — Я не могу позволить, чтобы ты так рисковал.

— Папа-то рисковал, — напомнил я ему. — Вон, проиграл все деньги.

— Он их лишился, — поправил дядя. — А это совсем другое дело. Я никогда не лез в его дела, но что-то мне сдается — и неспроста, — что его ограбили эти мошенники-аристократы из Столлери.

— Что? — не поверил я. — Ты хочешь сказать, что граф Рудольф взял его на мушку и отобрал все деньги?

Дядюшка засмеялся и потрепал меня по волосам.

— Да нет, без всяких этаких драм, Кон. В Столлери всё обделывают тихо да благородно. Тасуют вероятности, как и полагается джентльменам.

— Это как так? — не понял я.

— Я тебе объясню, когда ты подрастешь и немного разберешься в финансовой магии, — откликнулся дядя. — А до тех пор... — Лицо его сморщилось и посерьезнело. — А до тех пор не смей рисковать головой на Столовом утесе; не до того, Кон, больно уж у тебя карма скверная.

— А что такое карма? — спросил я.

— Это я тебе тоже объясню, когда подрастешь, — сказал дядя. — А пока смотри больше не попадайся мне на скалах.

Я вздохнул. Наверное, эта карма — жутко тяжелая штука, раз уж с ней нельзя лазать по ска-

лам. Я решил расспросить о ней сестру. Антея меня почти на десять лет старше, и даже тогда она была просто ужасно умной. Я нашел ее за кухонным столом — она сидела над целым рядом раскрытых книжек, длинные черные волосы падали на страницу, на которой она что-то записывала.

— Не приставай ко мне сейчас, Кон, — сказала она, не поднимая головы.

«Ну вся в маму выросла!» — подумал я.

— Мне очень нужно знать, что такое карма.

— Карма? — Антея подняла голову. Глаза у нее огромные и темные. Она открыла их пошире и уставилась на меня в изумлении. — Карма — это почти то же самое, что и судьба, только она зависит от того, как ты себя вел в прошлой жизни. Предположим, в предыдущей жизни ты сотворил какую-нибудь пакость или не совершил чего-то хорошего, — значит, судьба накажет тебя в твоей нынешней жизни, если ты, конечно, не будешь ну совсем паинькой и не поправишь все это дело. Понятно?

— Да, — ответил я, хотя было не очень понятно. — Так, выходит, люди живут не один раз?

— Волшебники говорят, что не один, — отозвалась Антея. — Я и сама, правда, в это не очень верю. В смысле, как проверить, что ты до этого уже когда-то жил? А откуда ты узнал про карму?

Рассказывать ей про Столовый утес не хотелось, и я ушел от вопроса:

— Прочитал где-то. А как это «тасовать вероятности»? Я про это тоже прочитал.

— Ну, это объяснять целую вечность, а у меня нет времени, — сказала Антея и снова уткнулась в свои записи. — Ты, похоже, не понимаешь, что я готовлюсь к экзамену, который может полностью изменить мою жизнь!

— А когда же ты будешь готовить обед? — поинтересовался я.

— Вот она моя жизнь — в одной фразе! — взорвалась Антея. — Я делаю всю работу по дому, да еще и помогаю в магазине два раза в неделю, а что у меня могут быть свои планы — это никому и в голову не придет! Вали отсюда!

Когда Антея вот так вот лезет на стенку, с ней лучше не связываться. Я пошел и попробовал задать тот же вопрос маме. Мог бы и заранее догадаться, что ничего из этого не выйдет.

Мама живет в крошечной комнатке с голыми стенами и скрипучими половицами, на полэтажа ниже моей спальни; в комнатке нет почти ничего, кроме пыли и стопок бумаги. Мама сидит за колченогим столиком и молотит по клавиатуре древней печатной машинки: пишет статьи и книги о правах женщин. У дяди Альфреда внизу, в задней комнате, где работает мисс Сайлекс, целая куча прекрасных новых компьюте-

ров, и он постоянно уговаривает маму бросить свою машинку. Но маму поди уговори что-нибудь бросить. Она утверждает, что ее старая машинка куда надежнее. Это, кстати, правда. Компьютеры в магазине «сыплются» как минимум раз в неделю — дядя Альфред утверждает, что это тоже козни прохиндеев из Столлери, — а вот стук маминой машинки не смолкает никогда и слышен на всех четырех этажах дома.

Когда я подошел, мама подняла голову и откинула назад густые волосы, темные с проседью. На старых фотографиях она сильно похожа на Антею, вот только глаза у нее светлые и желтовато-карие, как у меня; теперь же ее уже никто не перепутает с Антеей. Мама как-то увяла и вечно носит этот свой, как выражается Антея, «жуткий костюм горчичного цвета» и забывает причесываться. Мне это скорее нравится. Мама всегда одинаковая, как и собор, и всегда смотрит на меня поверх очков одним и тем же взглядом.

— Обед готов? — спросила мама.

— Нет, — ответил я. — Антея за него еще и не бралась.

— Тогда приходи, когда будет готов, — сказала мама и уставилась на листок, торчавший из пишущей машинки.

— Я не уйду, пока ты не объяснишь, что значит «тасовать вероятности», — сказал я.

— Не приставай ко мне с такими глупостями, — сказала мама, выкручивая листок, чтобы прочитать последнюю напечатанную строчку. — Спроси у дяди. Какое-нибудь дурацкое заклятие. Как тебе нравится такой эпитет — «фонтанирующее криводушие»? В точку, а?

— В точку, — сказал я.

В маминых книгах полно всякого такого. Никогда точно не скажешь, что это значит. В данном случае я решил, что речь идет о сломавшемся душе и потопе в ванной, вот и побрел прочь, размышляя о названиях других ее книг — например, «Эксплуатация мечты» или «Увечные евнухи». У дяди Альфреда в книжном магазине их целый стол. В мои обязанности входит стирать с них пыль, а вот покупать их почти не покупают, как бы завлекательно я их ни раскладывал.

Обязанностей у меня в магазине было довольно много: распаковывать книги, расставлять, стирать с них пыль, а еще мыть полы в те дни, когда миссис Потс не являлась по причине разыгравшихся нервов. А нервы у нее разыгрывались всякий раз после того, как она пыталась навести порядок в кабинете дяди Альфреда. Тогда магазин, да, собственно, и весь дом, содрогался от воплей:

— Я же сказал — пол и больше ничего, бес-тоlochь вы этакая! А теперь весь опыт — псу под хвост! Считайте, что вам повезло, что вы не пре-

вратились в золотую рыбку. Еще к чему-нибудь прикоснетесь — ею и станете!

И все же по меньшей мере раз в месяц миссис Потс поддавалась искушению, складывала все дядины вещи в аккуратные стопки и стирала следы мела с его верстака. После этого дядя Альфред с воплями взлетал вверх по лестнице, а на следующий день миссис Потс сидела дома с разыгравшимися нервами и мыть пол в магазине приходилось мне. Правда, в награду мне разрешалось читать какие угодно книжки для детей, стоявшие на отдельных полках.

Говоря до свирепости откровенно — кстати, это любимое присловье дяди Альфреда, — не очень-то меня эта награда утешала, по крайней мере, до тех пор, пока я не узнал про карму и про Рок и не задумался, что значит «тасовать вероятности». До того мне больше нравилось совершать всякие рискованные поступки. Или тянуло сходить в гости к друзьям в ту часть города, где работали телевизоры. Чтение представлялось мне работой потяжелее, чем мытьё полов. Но потом, в один прекрасный день, я наткнулся на книги про Питера Дженкинса. Вы их, наверное, знаете: «Питер Дженкинс и тощий учитель», «Питер Дженкинс и тайна директора школы» и много чего еще. Отличные книги. У нас в магазине их была целая полка, не меньше двадцати штук. Я решил перечитать их все.

Ну, прочел я штук шесть, и во всех в них были ссылки на одну предыдущую, которая называлась «Питер Дженкинс и формула футбола», — судя по всему, страшно интересную. Я решил, что следующей прочитаю ее.

С полом я в тот день управился как можно скорее. А потом, по дороге к столу с маминими книгами, с которых нужно было смахнуть пыль, остановился у детских полок и внимательно просмотрел весь ряд красно-коричневых книжек про Питера Дженкинса, выискивая среди них «Формулу футбола». Только вот беда: все они выглядели совершенно одинаково. Я провел пальцем по корешкам, полагая, что она окажется примерно седьмой по счету. Я ведь знал, что видел ее там раньше. Так ведь поди ж ты. Примерно на правильном месте стояла книжка «Питер Дженкинс и заколдованный баскетболист». Я провел пальцем до самого конца и нигде ее не обнаружил, да еще и «Тайна директора школы» куда-то задевалась. Вместо того стояли целых три экземпляра «Питера Дженкинса и ушлого ужаса» — ее я раньше в глаза не видел. Я вытащил один из трех, пролистал: очень похоже на «Тайну директора», хотя и не совсем: вместо зомби в шкафу — летучие мыши-кровавопийцы и все такое; я поставил книжку на место, озадаченный и сильно разобиженный.

В конце концов я взял одну книжку наугад, а потом пошел протирать мамины. Оказалось,

что мамины книги тоже слегка изменились. Выглядели они совсем как раньше: на каждой обложке было напечатано крупными желтыми буквами «ФРАНКОНИЯ ГРАНТ», а вот некоторые заглавия стали другими. Одна, особенно пухлая, которая раньше называлась «Женские невзгоды», осталась такой же пухлой, но стала «В защиту женщин», а тоненькая, в мягкой обложке теперь звалась «Материнская мудрость» вместо прежнего «Пользуемся ли мы интуицией?», как я это запомнил.

Тут я услышал, что вниз по лестнице вприпрыжку и напевая мчится дядя Альфред — пора было открывать магазин.

— Привет, дядя! — окликнул я его. — Ты что, распродал всех «Питеров Дженкинсов и формулу футбола»?

— Вряд ли, — отозвался дядя, влетая в магазин с обычным озабоченным выражением на лице.

Он поспешил к полкам с детскими книгами, бормоча что-то про «надо бы дозаказать» и на ходу меняя очки. Через новые очки он уставился на полку с книгами про Питера Дженкинса. Нагнулся, посмотрел на те, что стояли ниже, встал на цыпочки и посмотрел на те, что стояли наверху. Потом отступил, и вид у него сделался такой свирепый, что я подумал, уж не навела ли миссис Потс свои порядки и здесь.

— Нет, ну вы только полюбуйтесь! — сказал он с омерзением. — Считай, каждая третья — не та. Беспредел какой-то. Явно провернули большое дело, и нет бы хоть подумать о побочных эффектах. Сходи-ка посмотри, не переменялось ли чего на улице, Конрад.

Я подошел к двери — вроде бы все как раньше... Стоп! Почтовый ящик в конце улицы стал ярко-синего цвета.

— Вот видишь! — фыркнул дядя, когда я сообщил ему об этом. — Видишь, что это за негодяи? Куча мелочей переменялась навеки — ценных мелочей, кстати, — но им, похоже, наплевать. Они только о деньгах и думают!

— Кто они? — спросил я.

Мне было решительно непонятно, какие деньги можно заработать, изменив названия книг.

Дядя ткнул большим пальцем куда-то вверх и вбок.

— Эти. Эти сдвинутые аристократы из Столлери — говоря до свирепости откровенно, Кон. Они зарабатывают на том, что тасуют вероятности. Оценивают ситуацию и, если видят, что одна из их многочисленных компаний получит больше выгоды, если изменить парочку малозначительных деталей, устраивают там у себя перетасовку и меняют эту парочку деталей. А то, что заодно изменится и много чего другого, их совершенно не волнует. Ну просто со-

всем. Только на сей раз они перебрали. С жадностью. И безответственностью. Потому что теперь все люди это заметят и станут возражать. — Он снял очки и начал протирать их. На лбу у него от раздражения выступил пот. — И ждать теперь скандала, — сказал он. — По крайней мере, я на это очень надеюсь.

Я наконец понял, что значит «тасовать вероятности».

— А как они все это проделывают? — спросил я.

— С помощью очень мощного колдовства, — ответил дядя. — Такого мощного, какое тебе даже и не представить, Конрад. Так что заруби себе на носу: граф Рудольф и его родня — очень опасные люди.

Когда меня наконец отпустили к себе почитать книгу про Питера Дженкинса, я первым делом выглянул из окна. Комната моя находилась на верхнем этаже нашего дома, и оттуда Столлери выглядел сгустком света и сияния в том месте, где заканчивались зеленые холмы и высилась каменистая гора. Как-то плохо верилось в то, что в этом сверкающем замке на вершине живет человек, способный менять названия книг и цвет почтовых ящиков здесь у нас, в Столчестере. Тем более что мне было решительно непонятно, зачем это может быть нужно.

— А затем, что если чуть-чуть поменять те вещи, которые то ли произойдут, то ли нет, ты тем

самым слегка изменяешь все будущее, — объяснила Антея, оторвавшись от книг. — На сей раз, — добавила она удрученно, переворачивая страницы с записями, — они, похоже, совершили большой скачок и изменили будущее вовсе даже не слегка. Вот, у меня тут выписки из двух книг, которых, похоже, больше не существует. Неудивительно, что дядя Альфред расстроен.

Примерно через день мы привыкли к этим переменам. Кто же станет помнить, что раньше почтовый ящик был красным. Дядя Альфред сказал, что только мы и помним, притом потому, что живем в этой части Столчестера.

— Говоря до свирепости откровенно, Кон, — обратился он ко мне, — полгорода думает, что ящики всегда были синими. А остальная страна и подавно. Король небось теперь зовет этот цвет «королевским синим». Преломление сознания, вот что это такое. Дьявольская жадность.

Было это все в те добрые старые времена, когда Антея еще жила дома. Кажется, мама и дядя Альфред считали, что она всегда будет жить дома.

Тем летом мама сказала, как обычно:

— Антея, не забудь, что Конраду нужно купить новую школьную форму к началу учебного года.

А дядя Альфред настроил всяких планов, как он расширит магазин, — Антея ведь закончит школу и станет новым полноценным сотрудником.

— Если разобрать кладовку напротив моего кабинета, — мечтал дядя, — то контору можно будет перенести туда. А там, где сейчас контора, расставить книги — можно даже расширить помещение за счет двора.

Антея все это выслушивала молча. Последний месяц-другой она была особенно молчаливой и хмурой. Потом вдруг повеселела. До конца лета без возражений трудилась в магазине, а в самом начале осени повела меня за обновками точно так же, как и в прошлом году, с той лишь разницей, что на этот раз она и себе накупила обновок. А потом, когда я отходил в школу примерно месяц, она взяла и уехала.

К завтраку она спустилась с небольшим чемоданчиком.

— Я уезжаю, — поведала она. — С завтрашнего дня начинаю учиться в университете. В девять двадцать отходит поезд на Лудвич, так что я пришла попрощаться, а позавтракаю уже в поезде.

— В университете? — так и ахнула мама. — Да у тебя на это мозгов не хватит!

— Никуда ты не поедешь, — заявил дядя Альфред. — Магазином кто будет заниматься? И потом, у тебя нет денег.

— Я сдала экзамен, и мне дали стипендию, — сообщила Антея. — Так что мне хватит, если особо не шиковать.

— Никуда ты не поедешь! — выпалили они хором.

Потом мама добавила:

— А кто будет заниматься Конрадом?

А дядя сказал:

— Милая, но я так рассчитывал на твою помощь в магазине!

— На бесплатного помощника. Это я знаю, — сказала Антея. — Что ж, извини, что нарушила твои планы на мою будущую жизнь, вот только жизнь-то моя, и я ею распорядилась самостоятельно, потому что знала: вам только заикнись — и вы все испортите. Я уже невесть сколько лет только и делаю, что занимаюсь всеми вами. Конрад уже подросток и сам справится, а я хочу наконец-то начать жить.

И она вышла за дверь, а мы все остались сидеть с широко открытыми глазами. Больше она не вернулась. Она, понимаете ли, слишком хорошо знала дядю Альфреда. Дядя Альфред часами сидел в кабинете, составляя всякие заклинания, чтобы навсегда удержать Антею дома, когда она приедет на каникулы после первого семестра. Антея это предвидела, а потому просто прислала открытку — я, мол, погощу у друзей, — а к нам даже и не приближалась. Мне она тоже посылала открытки и подарки на день рождения, но в Столчестер не возвращалась много-много лет.